

В. Азбукин

**И.А. Гончаров в русской
критике 1847-1912 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
В11

В11 **В. Азбукин**
И.А. Гончаров в русской критике 1847-1912 гг. / В. Азбукин – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 302 с.

ISBN 978-5-458-55574-6

ISBN 978-5-458-55574-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

интеллигенціи. Оцѣнка критики Добролюбова. Дальнѣйшее обобщеніе въ критикѣ типа Обломова (Чацкій, Плюшкинъ, Базаровъ, толстовскій). Обломовъ—типъ общественный. Объясненіе его изъ условій русской жизни вообще и крѣпостничества въ частности. Обломовъ—представитель среднего дворянства. Отрицаніе связи Обломова съ интеллигенціей. Въ „Обломовѣ“—процессъ самопроизвольнаго вымиранія крѣпостной Руси. Неопредѣленность формъ русскаго быта. Причина нападокъ на „Обл.“ радикальной критики. Двойственность отношенія къ типу автора и критика. „Обл.“—клевета на русскую жизнь (Писаревъ, А. Милюковъ). Обломовъ—явленіе индивидуальное (Писаревъ, А. Милюковъ, М. Протопоповъ) Адуевское рѣшеніе общественныхъ вопросовъ въ романѣ. Отрицаніе общественнаго значенія „Обл.“, какъ субъективнаго произведенія автобіографическаго характера. Защита русской жизни отъ клеветы „Обл.“ Національный смыслъ Обломова (К. Головинъ, В. Стоюнинъ, Н. Соловьевъ, П. Сакулинъ, Е. Соловьевъ, Д. Овсяннико-Куликовскій). Отрицательная точка зрѣнія на Штольца западниковъ и славянофиловъ. Отношеніе автора къ Штольцу. Положительное значеніе этого типа: идея прогресса, нравственная выдержка, „типъ будущаго“, типъ просвѣщенной буржуазіи европейскаго типа. Національная тенденція въ сужденіи славянофиловъ о Штольцѣ. Побѣда отечественной стихіи въ лицѣ Обломова надъ западной въ лицѣ Штольца. Жизнь безсознательнаго преданія въ „Обломовѣ“. Обломовъ—типъ переходнаго времени. Положительныя черты Обломова: связь съ почвой народной жизни, нравственная цѣльность, духовная красота. Симпатіи къ Обломову автора, какъ народнаго поэта. Обломовъ—типъ общечеловѣчскій: апатія, абулія, фізіологическое вырожденіе. Научно-психологическое значеніе „Обломова“. Вѣчный типъ мечтательнаго вершителя міровыхъ судебъ. Вѣчное стремленіе души къ покою и равновѣсію жизненныхъ стихій. Обломовщина помѣщичья, чиновничья, научная и т. д. Общечеловѣческое значеніе типа Штольца-Санчо-Панса, мѣщанство духа, холодная трезвая практичность. Обломовъ—типъ педагогическій: происхожденіе и развитіе лѣтні, гармонія тѣлеснаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія. Художественная сторона „Обломова“: надуманность и безжизненность главныхъ типовъ: Одностороннее проявленіе обломовщины съ внѣшней физической стороны. „Обл.“—образецъ высокаго художественнаго творчества. Эстетическіе элементы произведенія,—внѣшняя форма, объективность, реализмъ. Общее признаніе художественной цѣнности „Сна Обломова“. Бытовая живопись романа. Детальное описаніе. Юморъ. Вліяніе Гоголя. Сходство типовъ „Обл.“ съ типами „Обл. ист.“. Авторъ „Обл.“—бытописатель, жанристъ. Характеръ реализма типа Обломова. Черты символизма. Нѣмецкій критикъ объ „Обломовѣ“.

Глава пятая (138—188 стр.).

„Обрывъ“. Психологія творчества автора. Неблагопріятный для романа общественный моментъ. Полемика по поводу типа М. Волохова (А. Скабичевскій, Н. Шелгуновъ, С. Окрейцъ, М. Салтыковъ, М. Цебрикова, Л. Антроповъ). Полемика въ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ. Полемика новѣйшаго критика (Е. Ляцкого). Объ-

ясненіе причинъ разлада Гончарова съ молодымъ поколѣніемъ. Мнѣнія о М. Волоховѣ позднѣйшихъ критиковъ (К. Головинъ, В. Буренинъ, Ю. Айхенвальдъ). Признаніе типичности М. Волохова. Типъ Райскаго въ оцѣнкѣ критиковъ: продуктъ крѣпостной почвы, барская распущенность, обломовская непригодность къ жизни, художественный диллетантизмъ, близость къ „лишнимъ людямъ“ связь съ переходной эпохой, постепеновство, широта типа, какъ человека 40 хъ годовъ. Типъ бабушки въ оцѣнкѣ критиковъ: разоблаченіе „бабушкиной морали“, старыхъ крѣпостническихъ грѣховъ, признаніе здоровой, цѣльной красоты гармоническаго типа, значеніе его, какъ воплощенія консервативныхъ идеаловъ автора. Типъ Тушина какъ выразителя идеи автора, отталкивающія „адуевскія“ свойства, почвенность. Идея постепеновства, примиренія стараго съ новымъ, „старая“ правда автора. Художественная сторона романа. Бытовая живопись. Нереальность,—безсиліе въ изображеніи новаго, несложившагося. Поэзія захолустья. Второстепенные типы. Преимущества „Обрыва“ передъ другими романами Гончарова. Архитектурные недостатки: отсутствіе художественнаго единства, смѣшеніе двухъ эпохъ, тенденціозность. Высокая художественная цѣнность романа. Мотивъ паденія.

Глава шестая (189—219 стр.)

Женскіе типы Гончарова Ихъ общественное значеніе, реализмъ изображенія. Великосѣвѣтскія маменьки. Захолустныя помѣщицы (типъ бабушки). Воспитанницы великосѣвѣтскихъ маменекъ. Непосредственная женскія натуры. Исковерканныя натуры. Средній типъ между „старой“ и „новой“ женщиной. Первый моментъ пробужденія русской женщины. Дальнѣйшій шагъ въ ея развитіи. Типъ новой русской женщины. Идеалъ русской женщины у Гончарова.

Глава седьмая (219—241 стр.),

Объективная и субъективная точки зрѣнія: сравнительный разборъ двухъ трудовъ по изученію творчества Гончарова: „Этюды о русскихъ писателяхъ И. А. Гончаровъ“. В. Острогорскаго—„И. А. Гончаровъ“ Е. Ляцкого. Книга Ляцкого въ оцѣнкѣ рецензентовъ (Д. Овсяннико-Куликовскій, А. Грузинскій и др.).

Глава восьмая (241—283 стр.).

Юбилейная литература о Гончаровѣ. Гончаровъ—загадочный писатель. Субъективность творчества Гончарова, какъ отраженіе личности автора (Е. Ляцкій, А. Измайловъ, А. Кони). Гончаровъ—полупублицистъ, резонеръ (В. Голиковъ). Творчество Гончарова объективно въ смыслѣ художественной манеры, темперамента и направленія автора (Гаррисъ, Ачкасовъ, Лознгринъ, Л. Войтоловскій, Б. Звонаревъ, В. Авсѣнко, С. Яхонтовъ, Д. Левинъ, В. Лобановъ, Н. Котляревскій, А. Измайловъ, Г. Зарницынъ, А. Станкевичъ, С. Шпицеръ, В. Голиковъ). Постепеновство Гончарова (Е. Ляцкій). Реализмъ творчества. (П. Перцовъ, Русакъ, А. Станкевичъ, Н. Геккеръ, В. Короленко). Стиволизмъ творчества (В. Короленко, Н. Геккеръ, А. Стан-

кевичъ). Общественное, историческое, національное значеніе произведеній Гончарова (А. Станкевичъ, С. Яхонтовъ, Е. Ляцкій, И. Утутаевъ, В. Авсѣенко). Поэтъ красивой старины, деревни, усадьбы (Н. Котляревскій, А. Измайловъ, Е. Ляцкій, М. Суперанскій, В. Голиковъ). Общечеловѣческое значеніе произведеній Гончарова (А. Уманскій, М. Суперанскій). Эстетическая оцѣнка творчества (А. Измайловъ, Е. Ляцкій, А. Кони).

„Об. ист.“ Реализмъ романа, общественно-историческій смыслъ призыва къ труду, пожиранія городомъ деревни. Типичность Адуевыхъ для нашего времени. Символическій смыслъ борьбы „отцовъ и дѣтей“, идеализма и дѣйствительности, торжества старой правды. Субъективный смыслъ романа.

„Обломовъ“. Бытовое и общественное значеніе романа (ударъ крѣпостной Россіи, пришествіе горожанина, идея труда). Новѣйшая защита Обломова и разоблаченіе Штольца. Реабилитация и обличеніе дворянства. Обломовъ—символъ: національный смыслъ. Обломовщина въ нашей современности. Интернаціональное значеніе типа Обломова. Педагогическая и религіозная точка зрѣнія на „Обл.“. Субъективность обломовщины, ея противорѣчія въ характерѣ автора, отраженія въ его стилѣ, въ умственномъ направленіи. Разладъ автора „Обломова“ и несходство съ своимъ героемъ. Художественная сторона романа.

„Обрывъ“. М. Волоховъ въ новѣйшей оцѣнкѣ,—нереальность и реальность типа, генеалогическая связь съ „Санинымъ“. Гончаровъ и „молодое поколѣніе“. Общественная и моральная правота автора въ его отношеніи къ Волоховымъ. Тенденція „старой“ правды. Вѣра въ земскую Русь. Поэзія установившейся, нетронутой жизни. Органическая художественная красота романа.

Женскіе типы Гончарова въ современной оцѣнкѣ.

И. А. Гончаровъ и его правда. И. А. Гончаровъ и наша культура.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ юбилейный день въ 1912 году, по поводу столѣтней годовщины И. А. Гончарова, къ имени автора „Обломова“, какъ это ни странно, былъ прибавленъ эпитетъ — „забытый писатель“. Большая популярность, общеизвѣстность, больше того—классическое значеніе произведеній Гончарова, невѣдомо почему, не создали имъ твердой почвы въ нашей критикѣ, заслуженнаго интереса и вниманія со стороны, если не газетныхъ и журнальныхъ критиковъ, то, по крайней мѣрѣ, ученыхъ изслѣдователей. Кромѣ отчасти устарѣвшихъ „Этюдъ“ В. Острогорскаго да появившагося въ послѣдніе годы критико-біографическаго изслѣдованія Е. Ляцкого, учено-критическая литература объ И. А. Гончаровѣ положительно не представляетъ ничего, достойнаго упоминанія и оцѣнки. Эта бѣдность и скудость критики о произведеніяхъ выдающагося изъ русскихъ писателей, одного изъ нашихъ „безсмертныхъ“, безсмертіе котораго получило признание даже у французскихъ и нѣмецкихъ изслѣдователей русской литературы, не имѣетъ никакого основанія и оправданія и является актомъ большой несправедливости и унижающаго автора „Обломова“ равнодушія. Миновало 100 лѣтъ, а изученіе Гончарова стоитъ на той же мертвой точкѣ и не только не пополняется и не обновляется новыми трудами, но, напротивъ, съ каждымъ годомъ мельчаетъ и замираетъ окончательно. Поразительно то обстоятельство, что о другихъ нашихъ писателяхъ, равныхъ Гончарову и, можетъ быть, даже ниже его, имѣется богатая критическая литература, тогда какъ о Гончаровѣ приходится собирать жалкія крохи, и до сихъ поръ нѣтъ достойнаго классическаго писателя изслѣдованія. Я своей книгой ни въ коемъ случаѣ не претендую на научное значеніе такого рода изслѣдованія, такъ какъ мой трудъ представляетъ собою обработку и систематизацію имѣющагося скуднаго матеріала въ видѣ мелкихъ и крупныхъ статей и замѣтокъ, когда-либо и кѣмъ-либо писанныхъ о Гончаровѣ. Я пытался только хотъ отчасти, по мѣрѣ возможности, подготовить почву для дальнѣйшихъ, болѣе успѣшныхъ изученій творчества нашего писателя и тѣмъ самымъ исполнить долгъ вниманія и признательности ему. Источниками, откуда мною почерпнуты были свѣдѣнія о критикахъ Гончарова, являются бібліографическіе труды С. Венгерова, Мезіера и большой бібліографической перечень въ 5-мъ томѣ сочиненій С. Венгерова, послѣ обстоятельной статьи о Гончаровѣ, съ нѣкоторыми новыми дополненіями къ тому, что тотъ же авторъ даетъ въ своихъ „Источникахъ словаря русскихъ писателей“. Что касается юбилейной литературы, т. е. тѣхъ статей и замѣтокъ, какія появились 6 іюня 1912 года въ разныхъ газетахъ и журналахъ, то въ данномъ случаѣ приходилось поступать по своему личному усмотрѣнію, въ виду вполне понятнаго отсутствія какихъ-либо руководящихъ бібліографическихъ указаній, и наугадъ просма-

тривать юбилейные номера газетъ и журналовъ. Трудность подобнаго изысканія увеличивалась еще тѣмъ, что въ Публичной библіотекѣ и Академіи Наукъ, гдѣ я работалъ, нѣкоторыя газеты и журналы оказались отданными въ переплетъ, такъ что, при всемъ желаніи, я не могъ использовать юбилейной литературы во всей ея полнотѣ, во всѣхъ мелочахъ. Этотъ невольный пробѣлъ, который въ свое время мною будетъ восполненъ, мнѣ кажется несущественнымъ, такъ какъ наиболѣе характерное и значительное, что сказано было о Гончаровѣ въ столичныхъ и крупныхъ провинціальныхъ газетахъ, а также въ наиболѣе распространенныхъ журналахъ, мною исчерпано, систематизировано и освѣщено въ сопоставленіи съ старой критикой. Я не могу также ручаться за исчерпывающую полноту моего обзора критики о Гончаровѣ съ 1847 г. по 1911 г. вслѣдствіе того, что въ данномъ случаѣ я всецѣло руководился библіографическими указаніями Венгерова и Мезіера. Вполнѣ возможно, что нѣкоторыя статьи и замѣтки о Гончаровѣ не вошли въ ихъ библіографическій перечень, и я буду благодаренъ всѣмъ тѣмъ, кто можетъ сообщить мнѣ что-либо достовѣрное объ этомъ. Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность и признательность В. И. Саитову, при содѣйствіи котораго я имѣлъ возможность пользоваться въ Публичной библіотекѣ нужными мнѣ газетами, журналами и отдѣльными книгами.

В. Азбукинъ.

1914 года, 7 мая.

И. А. Гончаровъ въ русской критикѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

И. А. Гончаровъ въ исторіи русской литературы замѣтно выдѣляется особеннымъ своеобразиемъ и загадочностью своей личности, какъ писатель и человѣкъ. Всегдашняя обособленность отъ всякихъ кружковъ, партій, общественныхъ и литературныхъ направленій, до болѣзненности развитое отвращеніе и даже боязнь передъ всякаго рода рекламами, эффектами, шумами, нежеланіе соваться своею личностью, выставлять себя напоказъ, вообще, ярко выраженная самобытность и цѣльность его писательскаго и человѣческаго характера,—все это бросалось въ глаза не одному критику, вызывая одобрительное или презрительное отношеніе. О странностяхъ, о своеобразіи Гончарова, о томъ, что онъ что-то единственное въ своемъ родѣ,—вспомнили и въ наши дни, по случаю столѣтней годовщины художника, о чемъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ. Генераль по служебному положенію, генераль и въ литературѣ¹⁾, одно время чиновникъ и цензоръ, Обломовъ и кругосвѣтный путешественникъ, ни славянофилъ, ни западникъ, онъ, по выраженію критика, „не поддается донинѣ критическому пониманію“²⁾.

Здѣсь неизбѣжны всякія недоумѣнія и недоразумѣнія, требуется особая осторожность, вдумчивость, непредвзятость, отрѣшенность отъ крайностей. Въ противномъ случаѣ критика получаетъ такой видъ. „Приходилъ одинъ критикъ и, пользуясь своей мѣркой, сшивалъ для Гончарова мундиръ своей партіи; примѣривая его, онъ, естественно, замѣчалъ, что мундиръ этотъ слишкомъ узокъ для таланта Гончарова; приходилъ другой и примѣнялъ къ нему иную мѣрку, опять-таки свою, и испытывалъ ту же неудачу. И тотъ, и другой начинали высказывать свое неудовольствіе. Приверженецъ западной цивилизаціи и новыхъ людей смущается рисуемыми съ любовью картинами русскихъ старыхъ людей; неумѣренно строгій націоналистъ съ упрекомъ качалъ головой передъ типами Адуева-дыди и Штольца“³⁾.

Конечно, такая горячность и рѣзкость споровъ въ критикѣ неизбѣжны при появленіи такихъ первоклассныхъ произведеній, какъ три романа Гончарова, вполне понятны, если онѣ вызываются тенденціозностью самого автора. Но при всемъ томъ для всякаго ясно, когда критикъ разсуждаетъ по существу, и когда онъ разсуждаетъ по поводу. Бросается въ глаза также и то обстоятельство, что кри-

¹⁾ Биржевыя Вѣдомости 1901 г. № 251 А. Измайловъ.

²⁾ Русское Обозрѣніе 1891 г. № 10 А. Незеленовъ.

³⁾ Филологическія записки 1901 г. IV, V, VI „Значеніе Гончарова въ исторіи русской литературы“ П. Щукинъ.

тихъ больше занять порицаніемъ и осужденіемъ автора за то, чего не далъ, и почти не всматривается, не изучаетъ того, что онъ далъ. Все это обязываетъ при обзорѣ критическихъ мнѣній и сужденій относиться къ нимъ съ возможною осторожностью, принимать тѣ или иные выводы критики съ извѣстнымъ ограниченіемъ, собирая крупинцы истины, рассыпанныя по полю этой критики. Иначе получается безвыходное противорѣчіе: Гончаровъ окажется въ одно и то же время и замѣчательнымъ историческимъ бытописателемъ нашей дореформенной жизни, и узкимъ субъективистомъ, описывающимъ только себя и свою среду,—глубокимъ знатокомъ русской жизни и русскаго національнаго характера и узкимъ филистеромъ съ ограниченнымъ, тупымъ міросозерцаніемъ.

I.

Первымъ вопросомъ, около котораго долгое время сосредоточивалось вниманіе и споры критиковъ, былъ вопросъ объ объективности таланта Гончарова. Какая здѣсь противорѣчивость и запутанность, показываетъ уже то, что и въ юбилейной литературѣ, по случаю столѣтія Гончарова,—этотъ вопросъ остался отчасти нерѣшеннымъ. Въ большомъ по объему трудѣ новѣйшаго изслѣдователя жизни и творчества Гончарова—Е. Ляцкого, вышедшемъ первымъ изданіемъ въ 1904 году и нѣсколько дополненномъ въ юбилейномъ изданіи, вопросъ этотъ получилъ совершенно иное, по сравненію съ прежней критикой, освѣщеніе, дающее прямо противоположные выводы.

Объ этомъ будетъ особое разсужденіе, но знаменательно уже то, что Гончарова, вопреки старой критикѣ, объявляютъ крайне-субъективнымъ писателемъ, тѣмъ самымъ подтачивая основы старой критики и снова поставляя на очередь, казалось, уже окончательно порѣшенный вопросъ.

Послѣ критики Бѣлинскаго и Добролюбова, сказавшихъ свое твердое и вѣское слово, съ именемъ Гончарова навсегда соединилось понятіе объ объективномъ художникѣ, даже больше того—имя Гончарова стало синонимомъ художественной объективности. Бѣлинскій съ этимъ понятіемъ связывалъ отсутствіе тенденціи у Гончарова, который—поэтъ, художникъ и больше ничего: у него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, ни сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ, ни имъ, ни читателямъ, онъ какъ будто думаетъ: „кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона“. Вотъ почему Бѣлинскій былъ того мнѣнія, что Гончаровъ изъ всѣхъ тогдашнихъ писателей одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, что у него нѣтъ ничего, кромѣ таланта, и онъ больше, чѣмъ кто-нибудь теперь, поэтъ-художникъ¹⁾.

Этой оцѣнкѣ Бѣлинскаго въ критикѣ придается особенное значеніе въ смыслѣ ея безпристрастія, такъ какъ онъ самъ не симпатизировалъ Гончарову за его объективность, одобряя ее, какъ критикъ—эстетъ, и порицая, какъ критикъ-общественникъ.

¹⁾ Бѣлинскій Соч. т. XI стар. изданіе, т. IV изд. Павленкова, а также Современникъ 1848 года, 3

Добролюбовъ также считалъ Гончарова прежде всего художникомъ, но при этомъ добавлялъ, умѣющимъ выразить полноту явленной жизни. Силу таланта Гончарова, въ противоположность Бѣлинскому, полагавшему ее въ изящности и тонкости кисти, вѣрности рисунка, Добролюбовъ видѣлъ въ умѣнны охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его. Изъ коренного свойства таланта Гончарова—спокойствія и полноты поэтического міросозерцанія—Добролюбовъ и выводилъ его объективность. „Онъ ничѣмъ не увлекается исключительно или увлекается всѣмъ одинаково. Онъ не поражается одною стороною предмета, однимъ моментомъ событія, а вертитъ предметъ со всѣхъ сторонъ, выжидаетъ совершенія всѣхъ моментовъ явленія и тогда уже приступаетъ къ ихъ художественной переработкѣ. Слѣдствіемъ этого является, конечно, въ художникѣ болѣе спокойное и безпристрастное отношеніе къ изображаемымъ предметамъ, большая отчетливость въ очертаніи даже мелочныхъ подробностей и ровная доля вниманія ко всѣмъ частностямъ разсказа“. Добролюбовъ повторялъ также и мысль Бѣлинскаго, разсуждая о спокойствіи, трезвости, безстрастіи Гончарова, который не смущается никакими теоретическими предубѣжденіями, заданными идеалами, не желаетъ давать какіе-нибудь выводы, такъ какъ жизнь, имъ изображенная, служитъ для него не средствомъ къ отвлеченной философіи, а прямо цѣлью, сама по себѣ. Такое творчество полно глубокимъ, но чуждо горячихъ чувствъ, лиризма, лирическихъ пѣсень, которыхъ авторъ не запоетъ даже при видѣ соловья и розы, всегда сохраняя вѣрность, чрезвычайную вѣрность дѣйствительности.

Ничуть не сомнѣваясь въ объективности Гончарова, Добролюбовъ даже задавался вопросомъ, составляетъ ли это идеалъ художественной дѣятельности или же ея недостатокъ, свидѣтельствуя о слабой воспримчивости художника, спокойно относящагося къ дѣйствительности и не раздражающаго, не увлекающаго насъ. Но такое требованіе раздражать и увлекать читателей Добролюбовъ призналъ обломовскимъ, въ оправданіе Гончарова ссылаясь на его чуткую воспримчивость, соединенную съ глубиною чувства. Нельзя не подчеркнуть того обстоятельства, что такое мнѣніе критикъ высказывалъ по поводу „Обломова“, на взглядъ другихъ критиковъ—самого тенденціознаго произведенія ¹⁾).

Къ этому слѣдуетъ отнести еще и мнѣніе Дружинина, цѣнившего Гончарова, какъ художника независимаго, художника по призванію и реалиста. Еще раньше, по поводу появленія въ печати „Фрегатъ Паллада“, Дружининъ восторженно и увѣренно писалъ объ авторѣ, какъ о писателѣ, у котораго, если и есть что сатирическаго и отрицательнаго, то оно временно и случайно въ его дарованіи. Стойкость Гончарова на избранномъ имъ пути, безъ какого бы то ни было уклоненія въ сторону, очень замѣтная близость къ Пушкину по примирительно-отрадному колориту въ произведеніяхъ, отсутствію лести, гнѣва, идилліи, преднамѣреннаго свирѣпства, утопій, мрачныхъ красокъ, бури вдохновенія, облекающей чело провозвѣстниковъ будущаго,—отсутствіе жажды новизны, эффектности, манеры,—все это восхищало Дружинина и питало въ немъ большія надежды на писателя ²⁾).

¹⁾ Добролюбовъ Соч. т. II.

²⁾ Современникъ 1856 г., I. Дружининъ Соч. т. VII.

Писаревъ не только призналъ въ Гончаровѣ объективность, но даже разразился по этому поводу цѣлой бурей осужденія и обличенія автора—въ духѣ радикализма 60-хъ г. Онъ, очевидно, отождествлялъ эту объективность съ чистою художественностью, такъ какъ у него рѣчь идетъ о живыхъ общечеловѣческихъ идеяхъ въ эпоху сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, объ общественномъ значеніи художественныхъ произведеній, необходимомъ въ виду особыхъ условій русской жизни. Писареву не нравилось въ Гончаровѣ то, что онъ скрывалъ свою личность, свои убѣжденія, идеи. Отдѣливъ въ этой критикѣ истину отъ проявленія радикальной запальчивости, мы ясно увидимъ, въ чемъ критикъ полагалъ объективность Гончарова. Спокойствіе и ровность писателя, ничѣмъ не увлекающагося, безстрастное и безпристрастное отношеніе къ положенію cadaго изъ своихъ героевъ и героинь, ясный и подробный отчетъ въ разныхъ мелкихъ особенностяхъ, способность стать на точку зрѣнія cadaго изъ дѣйствующихъ лицъ, не сочувствовать особенно никому и понимать по-своему всѣхъ, воздержаніе отъ окончательныхъ приговоровъ,—словомъ, отсутствіе тенденціозности было для Писарева чертою объективности Гончарова. Въ послѣднемъ его возмущала эта чистота искусства безъ всякихъ тенденціозныхъ примѣсей, такъ что онъ даже проводилъ параллель между ученымъ Срезневскимъ и Гончаровымъ, находя въ одномъ науку для науки, а въ другомъ искусство для искусства, или, какъ онъ выразился, творчество для процесса творчества, безъ заботы о степени важности тѣхъ предметовъ, которые онъ воспѣваетъ, безъ вопроса о томъ „высѣкаетъ ли онъ своимъ рѣзцомъ великолѣпную статую или вытачиваетъ красивую бездѣлушку для письменнаго стола богатаго барина“ ¹⁾.

Любопытно сопоставить съ этимъ раннюю юношескую статью того же автора о романѣ Гончарова „Обломовъ“,—статью, гдѣ онъ высказывается противъ обличительнаго тенденціознаго творчества, предоставляя его на долю тѣхъ писателей, которымъ отказано въ могучемъ талантѣ, и высоко ставитъ творчество, не списывающее съ окружающей дѣйствительности, а выводящее эту дѣйствительность изъ глубины собственнаго духа. На основаніи романа „Обломовъ“ Писаревъ и тогда примѣтилъ въ талантѣ Гончарова всѣ признаки объективности: „полная объективность, спокойное безстрастное творчество, отсутствіе узкихъ временныхъ цѣлей, профанирующихъ искусство, лирическихъ порывовъ, нарушающихъ ясность и отчетливость эпического повѣствованія“,—все это поставлено было Гончарову въ особенную заслугу ²⁾.

Вся разница въ той оцѣнкѣ, какую Писаревъ далъ объективности въ первый и во второй разъ. Во второй разъ онъ уже осудилъ ее за выравненіе личности автора, отождествилъ вполне объективный рассказъ съ показаніемъ слѣдователя, вполне объективную музыку—съ шарманкой и самое стремленіе къ этой объективности отождествилъ съ стремленіемъ уничтожить въ поэзіи всякій патетическій элементъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убить поэзію, убить и искусство, даже науку, даже всякое движеніе массы.

¹⁾ Писаревъ, Соч. т. I (Русское Слово 1861, 12).

²⁾ Разсвѣтъ 1859, Писаревъ (о ром. „Обл.“).